

Сила народная

ВРЕМЯ обогащает нас новыми словами. Они входят в нашу лексику быстро, прочно, становятся привычными, обязательными...

А пока по выставочным аллеям, обрамленным густой, сочной зеленью, снуют сотни машин, грузовых стамкам и книгами, всевозможной аппаратурой и красками...

На выставке — четыре раздела: общесоюзных и республиканских павильонов; промышленности и транспорта; сельского хозяйства; строительства (последний размещен отдельно, на Фрунзенской набережной)...

Общий план Порой, привыкнув к ходячим выражениям, мы мало вынимаем из их смысла. А ведь то, что говорил Гудовичев, было интересно и ново.

Часто рационализатор, будь то рабочий или инженер, занимается какой-то одной идеей, изобретает какой-то один механизм, не связывая свои поиски с общей картиной технических перемен в цехе...

Другое дело в цехе Гудовичева. Здесь идут по иному пути. Здесь деловая пранктика бригад коммунистического труда выдвинула новый принцип — коллективной рационализации.

Конечно же, это логично! Ведь бригады коммунистического труда олицетворяют высший принцип коллективизма в жизни, в творчестве. И то, что эти бригады сами берут на себя коллективную ответственность за целые участки производства, очень важно, потому что отвечает коренным задачам технического прогресса.

Общий план — это общая забота о том, чтобы труд стал и производительнее, и легче, — сказал мне Николай Евграфович.

В одном из помещений цеха аппаратчик надо было забегать по высокой лестнице наверх, где находился вентилятор вакуумного устройства. Рационализатор удлинил трубку, вывел ее к нижней площадке и здесь расположил вентилятор.

Девушке-работнице приходилось часто нагибаться, регулируя поступление в аппарат жидкости. Чтобы работница не нагибалась, здесь установили контрольный прибор, а управление им вывели на центральный пункт цеха. Читатель может сказать: мелочи! Но разве за этой малой автоматизацией не видна такая большая забота о человеке, такое внимание к нему, которые подлинно достойны нашей семилетки?

Великая сила конкретного, положительного примера.

Не случайно в цехе Гудовичева едва ли не каждый день — гости. Это химики с других заводов, это школьники из города. Ученики девятого класса подшефной заводу школы несколько раз в неделю приходят в цех, им доверяют несложные работы, они помогают аппаратчикам.

Первый в Дзержинске цех коммунистического труда решил выполнить семилетку за четыре года.

Пусть цветы, к которым так привыкли в этом цехе, украсят и другие заводы! Цветы — это символ высокой культуры производства. Их приносил в цех новые герои семилетки, для которых красота и культура производства, автоматизация и производительность труда слиты в одно неразрывное целое.

ДЗЕРЖИНСК (Горьковская область)

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

Этот расцвет с большой убеждающей силой раскрывают и экспонаты впервые организованного павильона «Советская книга», где освещаются темы: «Роль книги в воспитании человека коммунистического общества», «Книга — пропагандист идей марксизма-ленинизма», «Книга и научно-технический прогресс», «Книга идет к читателю»...

ПРИЗЫВ К РАЗУМУ

кажется, что ему не хватило «всего лишь одного хода», чтобы сделать противнику мат.

В. ЛЕОНТЬЕВ

запрещения ядерных испытаний вступают в «последний этап», как выражаются англичане, раздается все больше голосов против заключения договора, то есть против прекращения испытаний.

К сожалению, и в политике многие любят предаваться иллюзиям. Кайзеру Вильгельму и его начальнику генерального штаба Мольтке-младшему казалось, что если бы в 1914 году русские не начали своего наступления в Восточной Пруссии, Германия «обязательно» разгромила бы французов и англичан на Марне, а следовательно, и выиграла бы войну.

В отличие от большинства шахматистов, которые учатся на своих поражениях, военные и политические деятели Запада не любят учиться и возводят свои старые и новые иллюзии в некий принцип большой политики.

Вот почему, Манштейн не только битые титлеровские фельмаршалы, но даже окруженному фон Паулюсу из-за нехватки «только одной» танковой дивизии, — а «значит», фашизм победил бы во второй мировой войне.

Вот эти мысли и аналогии невольно приходят в голову, когда следя за поведением министров иностранных дел на Женевском совещании, когда читаешь речи некоторых политиков на «Атлантическом конгрессе» в Лондоне или в американском сенате. Все те же планы создания «подавляющей мощи», призывы расширить производство бомб, крепить «военное сотрудничество» Запада.

Естественно, не жаль ничего много от западнотемперанских ренессансов. Прихлебывая мюнхенское пиво, недобитые эсэсовцы любят потягивая мечтать: двадцать лет уже прошло с начала второй мировой войны, подросли свеженькие призывные возрасты, не пора ли начинать новое кровопускание? Речи военного министра боннской республики Штрауса так именно и звучат при переводе их с генеральского косяноязычия на язык общепонятный.

Естественно, не жаль ничего много от западнотемперанских ренессансов. Прихлебывая мюнхенское пиво, недобитые эсэсовцы любят потягивая мечтать: двадцать лет уже прошло с начала второй мировой войны, подросли свеженькие призывные возрасты, не пора ли начинать новое кровопускание? Речи военного министра боннской республики Штрауса так именно и звучат при переводе их с генеральского косяноязычия на язык общепонятный.

Но, странном образом, «идеология» Штрауса и Агензурера оказывает чрезвычайно большое влияние на мышление некоторых деятелей в США, Франции и даже Англии. Вот в каких выражениях об этом зловерном влиянии иронически пишет известный французский общественный деятель Бернар Лаврени: «Окажем полное доверие Германии для того, чтобы нас не сожрал московский медведь. Это уже провозгласил Гитлер, канцлер снова это говорит, и многие во Франции слушают этот лозунг, который привнес их в Мюнхен и в разгрому 1940 года. Во всяком, кто поддается мюнхенскому духу, будет заклеймен в глазах своего поколения и грядущих поколений».

Лаврени имеет в виду странную новую «ос» Париж-Бонн, но в равной степени его предупреждение относится и к Парижу, и к Лондону, и к Вашингтону. Нерационалистическая, основанная на иллюзиях позиция трех западных держав на Женевском совещании все еще неизменно, Начиная с разработанного США, Англией, Францией и недоотставленным боннским канцлером «комплексного плана», то есть глупого требования ликвидировать Германию, демократическую Республику, и кончая более робкими попытками отнять у ГДР ее столицу, министры иностранных дел западных держав все время совершают «ошибки в расчетах». Им, видимо, кажется, что они стоят на каких-то непреступных «позициях силы». Какая иллюзия!

И даже искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Неразистическая позиция всего так называемого Запада очень четко и ясно выражена на днях реакционной французской газетой «Фигаро», которая пишет: «Громко пытаясь заплотить самую низкую цену, какую только возможно...»

Большая наивность нельзя себе и представить. Они все еще думают, что Советский Союз обязан что-то заплатить за их согласие на смягчение напряженности, за ликвидацию «холодной войны», за свечение в верхах.

Пребывая на своих иллюзорных позициях, западные державы не обнаруживают понимания обстановки не только в вопросе о мирном договоре с Германией, о Берлине, но и в вопросе о выполнении постиме всенародного требования прекратить испытания ядерного оружия. Американская газета «Нью-Йорк пост», анализируя последние речи в конгрессе, пишет: «Теперь, когда женевские переговоры о

Соотношение сил — не в пользу агрессоров. Едва ли сейчас найдутся люди, которые, будучи в здравом рассудке, осмелятся развязать новую войну.

Налицо два пути. Один состоит в том, чтобы жить в мире, сотрудничать и сотрудничать на мирном поприще, ликвидировать международную напряженность, покончить с «холодной войной». Другой путь не только плох, но просто бессмыслен: явно не имея никакой возможности снова начать войну, — пугать ею людей, создавать повсюду напряженность, вооружаться, разорять этим народы. Стремясь изо всех сил помочь Женевскому совещанию, мы хотели бы предложить г-г. Гертеру, Ллойду и Кув де Мюрвеля посвятить тех, кто находит продолжение «холодной войны» желательным, прямо-таки «жизненно необходимым» для себя и для своих целей. Владельцы предприятий военной промышленности? Чан Кай-ши? Политические эмигранты, свергнутые монархи, бывшие диктаторы?...

Как ни подталкивай, а большинству человечества доставила бы радость ликвидация напряженности в Европе, к чему и направлены советские предложения. А совещание в верхах могло бы проложить дорогу к еще более прочному миру и мирному осуществлению. И это вышло бы всеобщим ликованием.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

Итак, искреннее стремление Советского Союза найти почву для компромисса, отыскать путь взаимных уступок не встречает понимания. Во всяком случае, только что сделанные новые предложения СССР «о ходу», без тщательного их изучения, уже получили отрицательную оценку г-г. Гертера, Ллойда, Кув де Мюрвеля.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

Цветы и автоматы

ИЗВЕСТНО, что любое химическое предприятие отличается относительно высоким уровнем автоматизации. Он диктуется самой природой производства; здесь все технологические процессы скрыты в недрах аппаратов, и руки человека прикасаются лишь к вентилям контрольных установок или к приборам реакторов.

Анатолий МЕДНИКОВ

театр на «Лебедином озере», — сказал как-то Гудовичев с легким вздохом.

И все-таки цех коммунистического труда, первым получивший это звание в городе химиков Дзержинске, — цех необычный даже внешне.

АВТОМАТЫ постепенно превращают рабочего в контролера и наладчика машин, технологических процессов. Особенно наглядно и зримо это видно в химической промышленности.

Когда я осматривал цех, проходил вместе с его начальником Николаем Евграфовичем Гудовичевым по рабочим залам, почти безлюдным, ступал по блестящему кафельному или чистому бетонному полу, поднимался по крутым свежешерошенным металлическим лестницам, меня не оставляло ощущение, как образ, представление об этом цехе, как о большом красивом корабле.

Если вы скажете кому-нибудь в Дзержинске, что в цехе коммунистического труда, рабочий, утомившись, на ваших глазах вытер платок пот со лба, — над вами посмеются и скажут, что вы не были в этом цехе.

Но вряд ли на корабле можно увидеть столько цветов, как в этом цехе... Цветы — всюду: в кабинетах, в «бытовках», в коридорах. Цветы большие и маленькие, в горшочках и в огромных кадках — розы, герань, фикусы и даже пальмы — растут рядом с агрегатами, где происходят бурные химические реакции.

Первое, что поражает здесь, — почти полная безлюдность цеховых помещений. Лишь изредка около агрегатов появятся рабочий и, взглянув на приборы, не торопясь, отойдет в сторону. Аппаратчик не трудится физически.

Цех похож на оранжерею. Среди зелени мелькают ярко-белые и поэтому особенно приметные халаты аппаратчиков и лаборантов.

Но неверно было бы думать, что рабочий день аппаратчика лишен всякого напряжения. Наоборот. Рабочий всегда сосредоточен, внутренне собран. Везде он следит за приборами и с помощью этих приборов изменяет технологические процессы. Хороший аппаратчик действует не механически, он ясно представляет себе существо химических реакций. Иными словами, его труд больше умственный, чем физический.

Взглянув в окно своего кабинета, Гудовичев жестом — неожиданным, широким и гордым — показал на дальний заокский лесок, затянутый летним маревом, и сказал, что отсюда, из цеха, он видит свою родную деревню Сысоевку.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Я как-то вечером гулял с Николаем Евграфовичем по залитому огнями красивому, молодому городу, все улицы которого, раскинутые широким веером, сходятся к центральной площади.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Вот тут я — белок — стрелял в тридцатых годах, — говорил мне Гудовичев, — вот здесь мальчишкой купался в пруду. Крутом стоял густой сосновый лес.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

«Город вырос на глазах!» для Гудовичева это не метафора. И по сей день его брат и сестра живут в том самом первом доме, от которого пошел весь город. Николай Евграфович влюблен и в Дзержинск, и в своих земляков.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Когда в каютах XXI сессии партии в Гудовичеву и партию цеха Домнину пришли комсомольцы Капитолина Пронина, Римма Долганова, Зина Данилова и заявили о своем желании выполнять для бригады повышенные обязательства, Гудовичев прежде всего затворил о необходимости учебы для всех аппаратчиков.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Я как-то попал в цех во время перерыва и застал в красном уголке необычное собеседование. Выяснилось, что каждый рабочий «прикреплен» к одному специальному журналу, нашему или зарубежному, он должен следить за техническими новинками.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Весь коллектив озабочен тем, чтобы все время углублялась и ширилась, становилась объемнее и богаче духовная жизнь каждого рабочего цеха.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Но труд и учеба не мешают молодежи увлекаться хоровым кружком, танцевальным, устраивать читательские конференции, бывать в своем, дзержинском, и в горьковских театрах.

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

Вот девчата заявками осаждают — в Москву съездить, в Большой

В цехе решили подготовить всех рабочих к рационализаторской деятельности. Сейчас здесь как-то этой второй рабочий — рационализатор. Это, конечно, замечательно.

ЧЕЛОВЕКУ СТАЛО ЛЕГЧЕ

СОВСЕМ недавно, в то самое время, когда среди коллективов предприятий и строев Свердловского экономического административного района, в котором поддерживал и одобрял замечательную инициативу уральцев, решивших на год раньше выполнить задание семилетки по уровню производства, в постановлении отмечаются среди других предприятий Урала и Нижнетагильский комбинат. О нем рассказывается в публикуемой ниже корреспонденции.

10 июня 1959 года ЦК КПСС принял постановление «Об обязательствах трудящихся промышленных предприятий и строев Свердловского экономического административного района, в котором поддерживал и одобрял замечательную инициативу уральцев, решивших на год раньше выполнить задание семилетки по уровню производства, в постановлении отмечаются среди других предприятий Урала и Нижнетагильский комбинат. О нем рассказывается в публикуемой ниже корреспонденции.

Комплексная автоматизация плавильного режима, осуществленная здесь впервые в истории сталелитейного производства, позволяет заметно увеличить выработку стали.

У пульты управления мартеновской печи несколько человек внимательно следят за движением стрелок на огромных циферблатах. Появился инженер в синем плаще и помятой кепке дает короткие пояснения обступившей его группе людей. И тут от одного из них я услышал:

У пульты управления мартеновской печи несколько человек внимательно следят за движением стрелок на огромных циферблатах. Появился инженер в синем плаще и помятой кепке дает короткие пояснения обступившей его группе людей. И тут от одного из них я услышал:

У пульты управления мартеновской печи несколько человек внимательно следят за движением стрелок на огромных циферблатах. Появился инженер в синем плаще и помятой кепке дает короткие пояснения обступившей его группе людей. И тут от одного из них я услышал:

Очень интересно... Нужно бы и нас попробовать.

Очень интересно... Нужно бы и нас попробовать.

Очень интересно... Нужно бы и нас попробовать.

Да, в этой мартеновской печи приковано внимание металлургов. И хотя о том новом и интересном, что здесь сделано, еще не написано ни в газетах, ни в специальных журналах, слух уже разлетелся чуть ли не по всей стране. В Нижнем Тагиле только что приехали украинские металлурги. А сейчас «лекцию» о пульты слушали магнитогорцы: они уже несколько дней внимательно

изучают новую схему комплексной автоматизации теплового режима печи. Тепловой режим... Много внимания требует от сталевара. В огромной печи будущего огненная стихия. Температура приближается к двум тысячам градусов. В течение нескольких часов она должна быть постоянной и неизменной. Уже давно на помощь человеку пришли автоматические приборы. Но они только частично освободили сталевара от регулирования теплового режима печи. Вот почему система комплексной автоматизации, испытываемая на комбинате, привлекает такое внимание.

На мартеновской печи проведено уже шестьдесят опытных плавков. Производительность печи увеличилась на 10,9 процента, экономия топлива составила почти четыре процента. Это результат, так сказать, обычных опытных плавков. Несколькими плавками, проведенными с максимальным использованием автоматизации, дали совершенно невиданный результат: производительность печи увеличилась на сорок процентов!

В отличие от других схем автоматизации, — рассказывает инженер М. Гор-

дон, — наша комплексная установка сама, без участия сталевара, соблюдает заданный тепловой режим во все периоды плавки. Схема сама себя контролирует. Автоматы ежесекундно определяют нужду в топливе. Процесс «счета» длится всего четыре секунды. Потом через исполнительные органы автоматы направляют в печь топливо в нужном количестве. Вот, давайте, — предлагает он, — поглядим работу автоматов.

Недавно технический совет Свердловского совнархоза обсудил результаты внедрения комплексной автоматизации. Решено применить автоматизацию на всех цехах первого мартеновского цеха комбината. Работа уже началась. Нижнетагильцам есть о чем доложить Пленуму ЦК КПСС!

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- Анатолий Медников. Цветы и автоматы.
Б. Леонтьев. Призыв к разуму.
Леонид Ленч. А как у вас с отдыхом?
Юрий Нагибин. Песнь песней. Рассказ.
Левий Мартынов. Доброго пути!
Евг. Евтушенко. Новые стихи.
Вас. Федоров. С характером бойца.
И. Эренбург. Письмо в редакцию.
Эрик Хорскьер. В гостях у Михаила Шолохова.
Сергей Бондарчук. Подарок друга.
А. Безыменский. В «свободном» мире.

ВОТ ОНО, МЕСТНИЧЕСТВО

Д АВНО, еще до войны, я прочел маленькую детскую книжечку о домах на колесах, и в памяти запечатлелись забавные строки:
Дом уехал в Ленинград,
На Октябрьский парад!

И вот идея этих двух стихотворных строчек стала ныне большой народнохозяйственной проблемой.
Тогда полтора года во дворе одного из саратовских заводов можно было видеть любопытные сооружения. Внешне они походили на железнодорожные вагоны, поставленные на резиновые троллейбусные колеса. Но внутри все было, как в комфортабельной городской квартире. Квартира-вагон имела электричество, водопровод, радио, холодильник и была обставлена легкой, удобной мебелью.

Так выглядели «дома на колесах», которые начали строить в Саратове для разведчиков нефти и газа. Каждый такой поселок из 110 домов, рассчитанный на 700—800 жителей, имел свою электростанцию, столовую, медицинский пункт, клуб, вагон-прачечную со стиральными машинами, вагон-детсад и вагон-школу.

Помню, заместитель начальника отдела бурения совнархоза Алексей Алексеевич Черкасов с увлечением рассказывал мне о перспективах производства передвижных поселков, о тех удобствах, о той культуре, которые они внесут в трудный быт разведчиков земных недр.

— Сократятся бросовые затраты, — есть у нас, буровиков, такая статья бюджета. Строим мы обычно в новых районах разведки различные временные строения, а через год-полтора снимаемся с места — и все концы: бросаем постройки либо ломаем их и перевозим. Теперь уже не придется разведчикам свой путь посыпать деньгами — сотнями тысяч рублей. Вместе с ними уедут и поселки.

Но деньги — это еще не все... Жить станет разведчикам веселее. Люди придут в гущу, в бездорожье и сразу получат квартиры со всеми удобствами. Придет конец бытовому мытарству тысяч семей. И ведь «дома на колесах» нужны не только для буровиков, но и для людей многих профессий, для всех, кто первыми обживает, открывает, строит. А разве не замечательно иметь передвижные дачи, летние лагеря?

Я слушал Алексея Алексеевича Черкасова, разделяя его увлечение. Но как-то невольно на память приходила грустная история из недавнего прошлого. В 1952 году Куйбышевский институт «Гипроострой» приступил к проектированию передвижных поселков. Конструкторы торопились, работали по вечерам. А потом? Пять лет безуспешно примеривалось бывшее Министерство нефтяной промышленности, где разместить заказы.

Нет, в Саратове все начиналось не так. Как только создали совнархоз, там по-хозяйски прыгнули: нужны передвижные поселки?.. Да, нужны. Срочно организовали конструкторское бюро из нескольких десятков опытных инженеров под руководством П. Корсунова, скоперировали более двадцати саратовских заводов для изготовления передвижных домов. И дело пошло.

И вот спустя полтора года я снова в Саратовском совнархозе.

— Как дела с «домами на колесах»?

Первый заместитель председателя совнархоза Б. А. Дубовиков неохотно, с чувством какой-то неловкости сообщил неожиданную новость:
— Да ведь производство передвижных поселков в Саратове прекращено...
— Как это так?!

Борис Александрович тут же поправился:
— В широких масштабах прекращено. А вообще-то работы кое-какие ве-

дуться, можете посмотреть... Сколько сделаем в этом году? Мало... Только для себя. Для других? Не можем, никак не можем.
Кто же эти «другие», желающие приобрести передвижные поселки? Их, оказывается, очень много. Пухлые пакки от отказа набиты письмами, телеграммами, прибывшими в адрес Саратовского совнархоза. Пишут и «модерируют» разведки нефти и газа с Сахалина, Кавказа, Крайнего Севера, из соседних областей и республик Поволжья; обводнители пустынь Средней Азии; строители шахт и рудников Кузбасса и газопроводов...

А решением совнархоза план по сравнению с прошлым годом не только не увеличен, а сокращен в пять с лишним раз. Намечено выпустить всего двести домов, к изготовлению которых еще не приступили.

Почему же Саратовский совнархоз свернул производство передвижных поселков?

— Видите ли, — говорит В. Н. Павлов, начальник управления, которому поручена сборка домов, — из воздуха строить поселки мы не научились. Нужны материалы, а фондов нам не дают.

Так ли это? Я иду в другое, рядом расположенное управление, ведущее материально-техническим снабжением предприятий. Заместитель начальника этого управления Павел Исаакович Журбин заверяет меня:
— Брунда! Были материалы. Если надо, еще изыщем... Это у хозяйственников есть такая манера: чуть что, прятаться за снабженцев.

С этим нельзя не согласиться, особенно когда просматриваешь накопившуюся в совнархозе переписку. Заказчики из Куйбышева, из Башкирии и других районов страны предлагают свои материалы; больше того, некоторые на них обязуются поставлять в Саратов со своих заводов готовые блоки, узлы, рамы, стальные изделия и т. д. Только будьте добреньки — дайте передвижные поселки!

Великое дело — инициатива, широкий государственный подход к делу, душевная забота о советском человеке. Как были бы благодарны руководителям Саратовского совнархоза люди, идущие в первых рядах индустриального наступления, если бы эти руководители по-хозяйски отнеслись к полученным предложениям, проявили инициативу и в кооперации с другими районами создали в Саратове центр производства передвижных поселков. Это, конечно, труднее, чем писать на заявках «отказать», «отказаться». Но насколько почетнее...

В феврале этого года Госплан РСФСР предложил Саратовскому совнархозу изготовить четыре передвижных домика для строителей газопровода. Нельзя без чувства возмущения читать ответ из Саратовского совнархоза: «Сообщаю, что на предприятии Саратовского совнархоза не выпускаются передвижные вагоны-домики. В 1958 году несколько таких домиков было изготовлено для собственных нужд нефтяной промышленности совнархоза... Ваше задание не может быть принято».

Это же просто обман! Руководители совнархоза не могут не помнить, что в свое время в Саратове были вынуждены строить передвижные дома. Значит, они сознательно вводят в заблуждение работников Госплана РСФСР, которые, видимо, плохо осведомлены о положении на местах.

Что же будет дальше? Саратов ликвидирует налаженное производство передвижных поселков; одновременно в других совнархозах готовятся организовать производство «домов на колесах». После неудачных попыток договориться с саратовцами Куйбышевский совнархоз начал изготавливать передвижные поселки на пе-

большом заводе в городе Сызрани. Приступили или готовятся приступать к производству домиков в Перми, на Станиславине, в Татарии, Кузбассе.

Трудно сейчас сказать, чем будет отличаться «дом на колесах», созданный где-нибудь в Сибири, от своих волжских собратьев. Но одно уже твердо известно. Стоимость передвижных поселков, построенных в кустарных условиях, будет во много раз выше, чем при централизованном производстве.

По узким местническим тропам «дома на колесах» далеко не уедут. А они очень нужны, их ждут. При огромном размахе освоения новых промышленных районов спрос на передвижные поселки будет увеличиваться.

Ю. ОКЛЯНСКИЙ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
САРАТОВ — СЫЗРАНЬ — КУЙБЫШЕВ

На волжском просторе

Необозримо волжские просторы. Тихо плещется вода за бортом. Флаги на реке флота страны делят электроход «Ленин» рассекать вечерние воды. Его первый маршрут Москва — Астрахань — Москва. 400 туристов отправились в этот рейс.
Счастливого плаванья!
Фото Е. Евзрихина

Леонид ЛЕНЧ

А КАК У ВАС С ОТДЫХОМ?..

В НАШЕЙ литературе мелькал и мелькает положительный образ «неугомонного производственника». До такой степени поглощенного делами и заботами своего предприятия или учреждения, что он даже в доме отдыха или на веселой вечеринке среди друзей дню и ночи продолжает жить в атмосфере производственного горя.

Его зовут почитать в волебоил или из прогулки, а он, рассеянно улыбаясь, свистит в телефон. И пока другие не столь положительные персонажи забывают голы и модакричи кричат «аут!», такой герой длительно и нудно поучает в трубку «сменного мастера», и д и «главного инженера», или «начальника кабинета», или «заместителя» — в зависимости от своего служебного положения в данном литературном произведении.

На веселой вечеринке такой герой нянчить может принять участие, скажем, в хоровом пении, но никогда строгий автор не позволит ему допеть песню до конца вместе со всеми. Уже на втором куплете на лицо героя «набегает заунывная тень», он отойдет в сторону или выйдет на балкон с любимой девушкой и... замучит ее и читателей бесконечным монологом о неполадках в своем цехе (предприятии, учреждении), о ложной позиции, занимаемой «сменным мастером», или «главным инженером», или «директором»...

По мнению авторов подобных произведений, зрители и читатели должны умиляться проявлению столь возвышенных чувств, брать с «неугомонного производственника» пример, пусть ему «косанну», как полагали в свое время буржуазные философы.

Замечено, однако, что зрители и читатели не только не склонны умиляться, но только не желают брать пример с «неугомонного производственника». — Нет, они просто смеются над этим пустопорожним образом и не верят автору, когда он пытается доказать им, что «неугомонный производственник» — хороший работник.

Тот, кто работает хорошо, тот и отдыхает хорошо!
У стоящего директора («главного инженера», «сменного мастера», «начальника кабинета» и т. д.) на своем участке производства дело налажено так, что во время отдыха ему незачем терзать себя тревожными мыслями о том, что ровный пульс производства вдруг может дать неприятную осечку. Народ наш давно сказал: «деду — время, потехе — час». Этот «час» должен быть полноценным часом подлинной потехи, подлинного отдыха. Тогда и дело покатится даль-

ше еще веселее! Мешать отдых с делом — это значит и не отдыхать как следует, и дела не делать как следует.

Из воспоминаний старых большевиков, соратников и современников известно, что В. И. Ленин, самый гениальный и самый человечный человек нашей эпохи, всегда умел использовать редкие дни своего отдыха в полной мере и со щедрым многообразием. Ленин любил и одинокие прогулки по живописным горным долинам швейцарских Альп, и веселые большевистские полные вечеринки, когда он вместе с товарищами распевал любимые революционные песни.

Даже после Октября, перегруженный титанической работой по управлению первым в мире государством рабочих и крестьян, Ленин в часы отдыха самозабвенно сражался в горючки или в шахматы, волял хоромы с ребятами вокруг себя.

Настоящий отдых человеку дают полное самовыключение и смена привычной обстановки. Посмотрите на пареньков и девчат, возвращающихся в Москву воскресным вечером после туристского похода по подмосковным лесам и полям: на лицах — следы усталости, но глаза радостно блестят, кровь, насыщенная кислородом соснового бора и березовых есенских рощ, как говорится, кипит по всем жилочкам, настроенье превосходное, песни заигрывает сама собой.

Мы начали реализацию пятилетнего семилетнего плана, плана построения материальной базы коммунизма. Если с высоты какого-нибудь мысленного пика Победы обвизнуть взором то, что нам предстоит сделать, — откроются необозримые океаны самого разнообразного труда. Нужна правильная организация отдыха, чтобы успешно справиться с этими грандиозными задачами. Не случайно проблемы, связанные с отдыхом людей, привлекают к себе сейчас глубокое внимание партии, профсоюзов, советской общественности. Не случайно бригады коммунистического труда с творческим задором обслуживают на своих летучках и производственных участках, и вопрос о том, как полнее, ярче провести совместно выходной день. А ведь недалеко время, когда Советский Союз станет страной самой короткой рабочей недели.

Я понимаю, что проблема отличной организации отдыха работающего человека — чрезвычайно сложная и емкая проблема. Сюда, скажем, входит и большой вопрос об общем усовершенствовании существующей ныне сети наших санаториев и домов отдыха, и малый во-

прос о более энергичном строительстве небольших и недорогих гостиниц и пансионатов для тех, кто любит отдыхать, путешествуя, по крылатому выражению, «диким» местам. Сюда же относится вопрос и о том, почему на вечерах в некоторых рабочих клубах царит у нас такая откровенно зеленая скука и как с этой скукой надо бороться, сюда же входит и такой «теоретический» вопрос — нужны ли в домах отдыха, на экскурсионных базах и т. п. штатные «застейники»?

Самой собой разумеется, я не могу в этой статье ответить на все эти вопросы и решить все проблемы. Мне хочется лишь сказать о самом, на мой взгляд, главном.

Отдых — понятие чрезвычайно индивидуальное и многообразное. Пожилые люди, занятому ежедневно многочасовым серьезным чтением, доставляющее наслаждение легкой физический труд в саду или на огороде. Надо, чтобы организаторы еженедельного отдыха предусматривали многообразие вкусов, возрастных привычек и наклонностей людей, чтобы у «дядюшки Якова» всегда было «товару всякого».

Надо, чтобы наши крупные заводы, предприятия, фабрики, министерства, учреждения обменивались между собой опытом по организации отдыха. Тут есть интересные достижения (и крупные недостатки, конечно), и обмен такой информацией чрезвычайно полезен.

Я спросил у своих друзей на Московском заводе малолитражных автомобилей, как организуются отпуски создателей «москвички», и получил ответ, который меня искренне обрадовал. У меня создалось впечатление, что заводские организаторы сумели наладить здесь многообразный отдых для своих рабочих, инженеров и служащих. Судите сами. Завод имеет, например, свой собственный туристский лагерь, расположенный рядом с домом отдыха «Полушкино». В прошлом году здесь стояло 800 палаток, в этом году — от 500 до 300. Двухдвухдневная путевка в такой лагерь, пользующийся любовью рабочих, в особенности молодежи, стоит 60 рублей. Идею организации собственного туристского лагеря московские малолитражники взяли у ленинградского «Скорхода».

У завода в районе станции Лопасня имеются свои коллективные фруктовые сады, куда по выходным дням ездят любители поковыряться в земле на воздухе. Охотники, рыболовы, самодеятельные художники из заводской изостудии на заводских машинах по выходным дням

тоже выезжают на лоно природы — кто поохотиться, кто порыбачить, а кто на отдыхе.

Женский совет завода в 1959 году провел в заводском клубе два интересных и оригинальных женских воскресенья. Женщины с детьми приходили в клуб в 11 утра и уходили домой лишь в 11 вечера. Здесь они обедали и ужинали в столовой (не надо было думать о домашней стряпне в выходной день!), обсуждали модели и костюмы и пласты, слушали лекции, смотрели фильмы и спектакли, в то время как их дети веселились под присмотром воспитательниц в других комнатах. Женские клубные воскресенья очень понравились работницам завода — они оценили их как новую форму еженедельного отдыха.

Я взял в качестве примера лишь один крупный московский завод. Как же много, наверное, свежего, любопытного, достойного подражания внесла и вносит живая творческая практика других, и не только московских, заводов, фабрик и учреждений в решение вот этой самой «проблемы отдыха». И как важен обмен опытом в этом отношении! А разве мало может дать нам и опыт наших зарубежных друзей в странах народных демократий! Тот, кто бывал, например, в Чехословакии и в Венгрии, не мог не залюбоваться изысканым, непринужденным весельем, царящим на принятых там субботних и воскресных рабочих балах! Как мило, красиво и весело танцуют и поживают люди, и молодежь на этих балах! Там не услышишь грубого слова, не увидишь пьяного. Туда приходят с женами, с невестами, с любимыми потанцевать, повеселиться от души. Кстати сказать, у нас не вывелись еще скучные люди, которые подозрительно косятся на любой танцевальный вечер в рабочем клубе. «Танцуйка!» — цедят они презрительно, прочитав на афише объявление о танцах.

Нельзя лишать молодежь ее права на танец. Но не надо, конечно, делать и так, чтобы вечера танцев подминали под себя всю культурную деятельность клуба. Соблюдать в этом смысле разумную пропорцию — долг каждого директора клуба, серьезно относящегося к своим обязанностям.

Я ПЕРВЫЙ раз написал и увидел, что рамки и размеры газетной статьи не позволяют мне сказать и десятой доли того, что хотел сказать. Пусть же эта статья будет лишь поводом к большому разговору читателей «Литературной газеты» об отдыхе во всех аспектах этой действительно крупной и очень важной проблемы нашего сегодняшнего дня.

Доброго пути! Стихи Олжаса Сулейменова

Когда человек чуть-чуть сбивчиво, но очень взволнованно рассказывает:

Приехал я в край, где лишь пихты и ели,
Где ели от тяжести неба присели.
В землянку вошел с рюкзаком за спиной,
Вошел, полметели втащив за собою,
— то этому человеку безусловно вернись. И хочешь узнать получше — что это за край, что за люди? И вовсе не удивляйся, когда выясняется, что этот край есть часть страны поэтов.

Здесь все поэты,
Здесь все поэты,
— вот что узнаем мы из другого стихотворения написанного уроженцем этого края, этой страны.

Речь идет о Казахстане. Стихи написаны казахом. Но это не перевод с казахского. Двадцатитрехлетний Олжас Сулейменов учится на переводческом отделении Литературного института, занят переводом на русский язык произведений казахских поэтов (в частности, готовит книгу переводов интереснейшего поэта Махамбета Утемисова) и продолжает писать свои стихи.

Эти стихи, на наш взгляд, очень свежи и своеобразны. Пожелаем молодому поэту!

Леонид МАРТЫНОВ

В С Т Е П И

...Здесь все поэты,
Здесь все поэты,
Степь под копытом домброю поет,
Ветер вместе с травой поет,
Падая в скалы, каменю поет,
Речка, косами играя, поет,
Солнце знает, как беркут поет,
В степи начиная высокий поет.
Здесь все поэты,
Здесь все поэты,
Вот едет старый чабан,
Он едет мимо уснувших юрт,
Туда, где будет буран.
Чабан негромкую песню поет
О свежей, рассветной мгле,
О том, что скоро будет окот,
Что сладок утраченный хлеб...
Здесь все поэты,
Здесь все поэты,
Отряды идут в маршрут,
Жара и пыль не дают им петь
О блестящих железных руд,
В горящем солнце идет отряд,
Но песня не знает пуг,
Сухие губы шеледят
О блестящих железных руд...
Здесь все поэты,
Здесь все поэты.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
13 июня 1959 г. № 74

МОЙ НАРОД

В нашей степи, если ночь, так — ночь,
Самых белых не видно камней.
В нашей степи, если солнце заходит,
Черные камни станут светлей.
Если радость покинет сердце, —
Шрам до последних жизненных дней.
Если радость обнимет сердце, —
Солнце будет тенью на ней.
Сам родился среди невогод,
Где меньше хлеба и больше забот.
Самую бурную радость поймет,
Самое скрытое горе поймет.
Друга в несчастье не подведет,
Только однажды клятву дает,
Любит работу и диких коней,
Степь и теплое слово о ней
Мой добродушный, веселый народ...

ВОДА

Северный город,
Весенний город,
Тучи на крышах
гранитных домов,
Льется за ворот,
Льется с заборов,
Тучи — кроны
мокрых домов.
На небе вода,
На асфальте вода,
Вода на деревьях,
Вода на плащах,
На проводах,
На площадях,
В серой реке,
В море.
Капли воды,
Плужи воды,
Струи воды,
Горы,
...Дождь на улицах
оставался,
Туча опять сорвалась
с цепи.
В аудиториях на стене
Карта моей
сухой степи.

Юрий НАГИБИН

Песнь песней

НАША туристская группа провела сутки в небольшом финском городе на пути из Хяменлинна в Хельсинки. Здесь увидел я то, что исконом века зовется любовью с первого взгляда.

Это было на текстильной фабрике «Суометрико», производящей шерстяные шарфы, джемперы, фуфайки, вязаные жилеты, дамские платья и хлопчатобумажные ткани. После осмотра цехов жена владельца фабрики, замещающая мужа, который уехал по делам фирмы в Стокгольм, пригласила нас в директорский кабинет. Тут, за сигаретами и скромным угощением из печения и неизбежного, очень любезногостям нам кислое молоко «пинз», беседовали мы о делах текстильных. А затем началась демонстрация изделий фирмы.

Три девушки, две коротко стриженные шатенки, одна с пушистыми пепельными волосами, поочередно входили в комнату и, медленно описывая по ней круг, показывая свои стройные фигуры, затянутые то в небесно-голубой джемпер, то в конкетиный лыжный костюм, то в яркоецветное бумажное платье. Мы вежливо аплодировали и немного стыдливо этих девушек в особенности той, что с пепельными волосами. Она была моложе своих товарищ, лет восемнадцати, не больше, и в ее профессиональной грациозности ощущалось чрезмерное старание. Высокая, с острой талией, тонкими ключицами и острыми локтями, она вся розовела от усилия скрыть еще не изжитую неуклюжесть поднощия и проделывать все с такой же ловкостью и непринужденностью, как ее более взрослые и опытные подруги.

У нее были большие доверчивые ярко-синие глаза и пухлые, мягкие губы, им вовсе не к чему была розовая помада. Жалее ее молодость, мы хлопали ей громче, чем остальным. Один из наших туристов, потомственный слесарь Патрушев, мальчишья, жилистый и ершистый, с глазами-буравчиками под седыми мохнатыми бровями, шепнул мне сердито:

— Ишь девчонку, ей бы учиться или при деле быть, а не трепки показывать.

Когда же в директорском кабинете, появились дети — десятилетний мальчик и девочка лет тринадцати, Патрушев совсем помирался. Надо сказать, что его дотошная недовольность порою носила необходимую поправку в то благодушное доверие к видимости, к нам, что греха таить, нередко отличало наших туристов. Так, он первый докопался, что воспитанник нас четвертый рабочий и служащих поглощая добрую треть их заработка, и люди являются не столько найма-телями, сколько пленниками своих квартир.

РАСКАЗ

После этого Патрушев уже ничему не верил, и когда мы, скажем, выезжали на мост, он подозрительно спрашивал экскурсовода: «Это что — мост?» и, выслушав удивленное «Конечной», недо-вольно хмурил густые брови.

Случалось ему и попадать впрок. Так, увидев входящих детей, он шепнул мне с негодующей хрипотцой в голосе:

— Ишь черти, детский труд эксплуатируют! Небось, своих не послали бы!

И вот, едва он это сказал, жена владельца фабрики через переводчика представила нам Юсу, так звали мальчика, и Хэйли, так звали девочку, — младших своих детей.

Но, видимо, благодаря той же своей настороженной пристальности Патрушев первым заметил впечатление, какое Алеша Торбан, бывший мячман Черноморского флота, ныне студент-судостроитель, произвел на юную манекенщицу с дымятос-пепельными волосами.

— Глянь-ка! — толкнул он меня под бок. — Черноморец-то наш...

Шел заключительный тур показа, и все девушки вместе с Юси и Хэйли были на другой комнате. Девушка с пепельными волосами время от времени чуть приседала, чтобы заставить волноваться пестрый воздушный материал своей летней юбки, порою описывая полный поворот на каблучке серебряной туфельки, и тогда легкая ткань плотно прилегалась к ее бедрам, а вокруг ног вздымалась куполом. На губах девушки застыла профессиональная и все же милая улыбка, говорившая о доброй и очень юной душе, которая даже этому скучному делу отдавала частичку себя. Но вот девушка порывалась с Торбаном. Он сидел в кресле, чуть подавшись вперед и опираясь смуглой рукой о орленое в тем особым, свободным изяществом, как они отличаются черноморцы. На нем был темный костюм с чуть широкими плечами, по флотской моде, брюки, белая с крахмальными воротничком и манжетками рубашка, отогнанная смуглостью лица и больших тонких рук. Над глазами зарывался лоб Алешы, виселись черные тугие кольца волос, и по-чужому сверкали темно-нарие, почти черные, влажные глаза. Приблизившись к Торбану, девушка проделала все свои обычные движения: приседание, быстрый и легкий поворот, но выглядела это совсем по-иному. Быть может, причиной тому улыбка, ставшая вдруг застенчивой, радостной, нежной и словно виноватой: я счастлива, что ты смотришь на ме-

ня, когда на мне надеты такие красивые вещи, но я знаю, что это невозможно стыдно и немножко глупо так выставляться, и все же я рада, что ты видишь меня...

Прошли мимо Алешинного лица сине-красно-желтый невеселый купол юбки, тихий вздох сожаления чуть раздвинул пухлые губы, и девушка скользнула дальше. Алеша встал и поклонился, черные тугие кольца волос упали на лоб, и странно, что не зазвенели. И хотя Алешин жест не требовался по ритуалу, никто ему не удивился, все невольное ощутили, что ему на долю пришлось нечто большее, чем остальным...

А по дороге в гостиницу эта маленькая сцена как-то припомнилась, и все начал штатливо поздравлять Алешу с новой победой. Первую свою победу Алеша одержал в Хяменлинна, на мясочбинате. В этом царстве разданных и неразданных туш, приваивающих селитрой внутренностей, вырезом, седел, окороков работали почти сплошь женщины. Работали здорово, но, как выразился Патрушев, «слишком одинаково». Это было меткое замечание. На финских предприятиях работают хорошо, с профессиональной точностью, и — одинаково. У нас же на любой фабрике или заводе, в любом цехе непременно столкнешься с чудом: среди ровно и хорошо работающих людей вдруг обнаружится такого, что не отвести глаз. Будь то хоть полным профаном, все равно почувствуешь: это — творец.

На мясочбинате работа шла в быстром темпе, не позволяя работницам отвлекаться. Но девушка, проймавшая кишки в стеклянной ванне, ощутив на себе Алешин взгляд, подняла повязанную марлевой косыночкой голову, и голубые, холодноватые, скандинавские глаза ее потеплели. Алеша не был бы черноморцем, если бы не улыбнулся ей. Девушка тоже улыбнулась и отложила кишки, затем безотчетным движением ступила кишку к красивым, цвета спелой ряби волос. Экскурсовод увлек нас дальше. На ходу Алеша обернулся, и девушка, как завороченная, двинулась меж цинковых прилажков следом за нами. В соседней державе, где обрабатывали печень для пангетов, она, было, заколебалась, но, отчаянно махнув рукой, двинулась дальше мимо запеканок, телешных полуфабрикатов, корытовой тубухи. Резкий окрик приволодил ее к месту близ серо-коричневой груды фарша. За нашими спинами захлопнулась высокая стеклянная дверь. Алеша снова обернулся, над вершинкой мясной горы мелькнула белая марлевая косынка и скрылась навеки...

Но то, что завязалось в «Суометрико», имело продолжение.

В ТОТ ЖЕ день местное Общество финско-советской дружбы пригласило нас на музыкальный вечер. Обществу арендовало большое деревянное здание на окраине городка. Помещение не отличалось ни красотой, ни ком-

В гостях у Михаила Шолохова

С УТКИ езды в поезде и еще 200 километров пути по бескрайней долинской степи отделяют Москву от другой литературной столицы Советского Союза — станции Вешенской. Здесь замечательный писатель Михаил Шолохов живет среди своих земляков.

Датские писатели в гостях у Михаила Шолохова в станции Вешенской. Из СПИМЭ (справа направо): Ханс Кири, Ханс Шерфин, Михаил Шолохов. Фото датского писателя Эрика Хорскьера

С совсем недавно, во время своего пребывания в Дании, Михаил Шолохов пригласил группу датских писателей посетить его родные края — Тихий Дом, в котором датчане могли увидеть почку, на которой выросли его произведения. Его приглашение, к которому мы вначале отнеслись просто как к акту вежливости, превратилось в живую реальность и стало для нас источником впечатлений, которые мы никогда не забудем.

Во время перерыва через Дом, когда изгнанные открыли перед нами станцию Вешенскую, я разговорился с пожилой казачкой.

Я не рассказывал ей о цели нашей поездки, но спросил, знает ли она Шолохова.

— Знаю ли! Да мы все здесь его знаем. И он нас все знает. Он наш писатель и наш председатель в Верховном Совете. К нему всегда можно прийти, он помогает нам во всех наших делах.

Наше пребывание в доме Шолохова стало целью незабываемых впечатлений. Никогда ни у кого из гостей мы не чувствовали себя только «гостями». Куда бы ни пошли, население станции тепло приветствовало нас. Быть гостем Шолохова — это все равно, что быть гостем всей Вешенской.

Во время прогулок по окрестностям Шолохов показывал нам свои любимые места. Он любит богатую и разнообразную природу своего родного края и умеет делиться этой любовью с другими. И снова чувствовалось, насколько уже знакома эта природа по «Тихому Дому» и «Поднятой целине».

В один прекрасный день писатель собрал компанию друзей, чтобы отправиться на Дон на рыбалку. Из улова — стерляди — тут же была сварена знаменитая уха, которую по-настоящему полагается варить именно так, на открытом огне. Никогда еще нам не доводилось участвовать в такой вкусной и веселой трапезе. Наш радушный хозяин, томо взрослый ребенок, был неистовым на шутки и выдумки. Он произносил остроумные тосты.

Над тихими водами Дона спустился вечер. Над костром вилась мошара, вокруг разносился веселый говор на русском, украинском и датском языках. В этот полдень и вечер мы особенно глубоко ощутили горячее сердце писателя. Никогда еще мы не чувствовали с такой силой, как прочны могут быть узы дружбы, которые протягиваются между разными людьми, независимо от различия национальностей, независимо от языковых преград.

Эрик ХОРСКЬЕР, датский писатель

Пушкинская конференция

Два шахтера обратились к правительству с письмом: их возмущало, что в разных изданиях Пушкинна не совпадают тексты стихотворения «К Чаадаеву».

Этот факт — свидетельство бережного отношения народа к наследию Пушкина, — привел профессор Б. Горюховский, открывший 11-ю Всесоюзную пушкинскую конференцию в Ленинграде, в работе которой приняли участие литературоведы многих городов.

Конференция обсудила вопрос об изучении рукописного наследия Пушкина и об общих принципах текстологии. Этим проблемам были посвящены доклады С. Бонди, Н. Измайлова, Ю. Оксманова, Д. Благорова, В. Мейлаха, В. Виноградова.

Тема «Пушкин в школе» стала одной из главных на конференции. На конференции демонстрировался уникальный экземпляр фильма «Гулялки Пушкина», созданный в 1937 году. К сожалению, фильм сохранился лишь в трех экземплярах.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

ЮБИЛЕЙ ИСТОРИКА ЛИТЕРАТУРЫ

Общественность Грузии широко отметила 80-летие виднейшего ученого-литературоведа Корнелия Кекелидзе. Его перу принадлежат десятки трудов по истории древнегрузинской литературы. Всесоюзным признанием пользуется капитальный двухтомный труд «История грузинской литературы».

В театре имени Руставели состоялось торжественное заседание. Юбилейно тепло приветствовали ученые, писатели, представители общественных организаций и учреждений республики.

И. ЭРЕНБУРГ

Письмо в редакцию

Уважаемый товарищ редактор! Правление общества «СССР — Франция», обсудив статью тов. Куликовой, опубликованную 4 июня в газете «Советская культура», сочло необходимым довести до сведения советской общественности следующие:

И. Куликова пишет о Гийоме Аполлинере, не упомянув даже, что речь идет об одном из крупнейших поэтов Франции: «Арест по подозрению в участии в краже из Лувра картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза» не помешал ему создать «Эстетику кубизма», которую он и опубликовал по выходе из тюрьмы». Разумеется, И. Куликова может критиковать художественные воззрения Гийома Аполлинера, но ссылаться при этом на мажоритарную французскую полицию, пытавшуюся пригнать Гийома Аполлинера к уголовному делу, недопустимо для советского автора. В 1911 году Гийом Аполлинер действительно был распространителем арестован по обвинению в кра-

же «Моны Лизы». Полиция привлекла к следствию также ближайшего друга Гийома Аполлинера — художника Пабло Пикассо. Неделю спустя Гийом Аполлинер был освобожден, и через некоторое время судебные органы прекратили дело за отсутствием состава преступления. Совершенно естественно, что реакционные круги Франции в свое время пытались опорочить передовых деятелей искусства, как Гийом Аполлинер и Пабло Пикассо, но вряд ли уместно, полемизируя с Гийомом Аполлинером, ссылаться на старое и давно опровергнутое обвинение».

Нам остается добавить, что Гийом Аполлинер пользуется большим уважением прогрессивных писателей Франции и что статья И. Куликовой никак не соответствует нашему стремлению укрепить дружбу и культурные связи с французской общественностью.

Президент общества «СССР — Франция»

И. ЭРЕНБУРГ

Фортон, но там имелся обширный зал со сценой. Когда мы перешагнули порог зала, смешанный хор, занимавший всю сцену, грянул по-русски «Натюшу». Оказавшись, хор подготовил целую программу из русских и украинских песен: за «Натюшей» последовала «Реве та стогне Дніпр широкий», затем «Амурские волны», «Карие очи, черные брови» и, наконец, «Подмосковные вечера». В хоровом пении скрывались пронзительные слова, и казалось, мы находимся не в сердце Суоми, а у себя дома: то в русской средней полосе, то в степях Украины. Пели хорошо, с чувством, с нежностью и от души идущей выразительностью. Видно, финнам подлившись наши песни. Все мы растрогались. Патрушев ухватился за голову и слезу.

По нашей просьбе хор исполнил две финские песни: одну старинную и одну новую, спутничую, после чего хористы спустились со сцены. Последней — большой белой птицей — сплестись вниз девушка из «Суомен-тринко». Тревожно и жадно обвела она нас взглядом и радостно вскрикнула:

— Карие очи, черные брови!.. Она увидела Алешу.

И тут на долю нам выпало трудное испытание. Финны попросили нас спеть любимую нашу песню. Отказываться было неудобно, и мы, не сговариваясь, затянули «Широна страна моя родная». Все шло хорошо до третьего куплета, но дальше наш хор стал таять, как сахар в кипятке, большинство не знало слов. До конца держались пятеро: Патрушев, две подружки-кукольницы из музея русской игрушки, Алеша Торбан и руководитель группы. Патрушев пел с таким усердием, словно от этого зависела престиж нашей страны, он не пел даже, а ругал слова; пять девушек тонкими кукольными голосами, мягко баритонно руководитель, а держал песню, не давая ей сбиться, немного шаткий, но легкий и приятный Алешин тенор.

Когда песня с греком была дотянута до конца, наш руководитель, чтобы сгладить впечатление, шепнул Алеше Торбану:

— Может, один споешь? Алеша пожал плечами: — Мне бы гитару... Слово из-под земли появилась гитара. Алеша подпернул рукава, тронул струны, прислушался, склонил голову, повернул колки и взвел первый аккорд. «Я встретил вас — и все было...» — задумчиво и будто издалека зазвучали тютчевские слова. Когда он кончил, раздались дружные аплодисменты и сразу смолкли: — Алеша без передышки запел «Одесские лиманы». Удивительно, как хорошо звучала у него эта невысокого пошиба песня. В ней чувствовалась море и ветер, южный зной и та грустная праздничность, с какой человек вспоминает пору своей юности.

Алеша пел много. Он пел проникновенно и чуть насмешливо, с той мягкой, перекорюющей небрежностью, какая отличает черноморцев. Девушка из «Судьбы» не сводила с него озорного взгляда. Она не понимала слова, и все же волнующий зов чужого, незнамого ми-

ра проникал в ее сердце, околдовывал несхожестью с привычным. Не музыкально брали ее Алешины песни — блеском темных глаз, изломом бровей, бегом сильной и ласковой руки по струнам, всей яркой артистичностью певца. А Алеша пел вовсе не для нее, он не выделял эту девушку среди других слушателей, да несколько и не подозревал, что она слушает его не так, как другие.

А потом весь хор в полном составе провожал нас до гостиницы. Патрушев снова вызвал финнов на разговор о квартирной платке и чувствовал себя, как рыба в воде. Алеша и девушка с пепельными волосами шли за нами, ее рука доверчиво и тихо лежала на рукаве его черного вечернего костюма. У дверей, когда мы прощались, девушка робко, но настойчиво задержала Алешу.

Мы с Торбаном занимали один номер под самой крышей старого отеля. За длинным, узким окном в скошенном потолке было черное небо в мелких, крепких, белых звездах. Я зажег свет, звезды погасли, а после, когда я улегся в постель и выключил свет, они уж не появились — их поглотило сияние выплывшей из-за крыши молодой луны. Я понял, что мне не заснуть, и, закурился, стал дожидаться возвращения Алешы.

Он вернулся поздно, в первом часу ночи, и стал молча расшнуровывать ботинки.

— Ну, Алеша, выкладывай!.. — Что выкладывать?.. Ходили, разговаривали... Я еще чего-то пел. — Пел, это ладно. Как разговаривали-то? Он поднял голову и удивленно посмотрел на меня.

— Я и сам не знаю, только все понятно было... Она мне свою жизнь рассказала, а я ей про Черное море и как бычков ловил... — Небось, закурил девушке голову?.. — Ты это брось! — прервал он меня резко. — Я сроду девушек не мочил. Сказал, что у меня дома невеста, и карточку показал.

— А она?.. — Со стуком упал на пол ботинок, затем другой, взгорбился на спинке стула пиджак, и только тогда я услышал: — Плакала. — Мы помолчали.

— А у тебя, правда, невеста есть? — Ну, чего привязался? Нет у меня никого... Карточка была той девчачьей, что в «Рыбных судбах» снималась.

— Для чего же это ты? Алеша повернулся ко мне на локте: — А вдруг это у нее серьезно? Скучать будет... так нельзя.

Н А ДРУГОЙ день мы уезжали в Хельсинки. Среди провожавших нас официальных лиц и новых знакомцев из Общества финско-советской дружбы Алешин девушка не было. Пора в вагон. Последнее рукопожатие, последние непонятные, но, без сомнения, добрые слова, и провожающие, помахивая шляпами, удаляются. Поезд еще стоит, дожидаясь невесты чего, а перрон будто вымер. И по этому пустому,

С ХАРАКТЕРОМ БОЙЦА

В МУЗЕЯХ мы можем увидеть изображение раба с покоренной опущенной головой. Если бы даже не было никаких письменных свидетельств об античном рабстве, мы все равно погляди бы, что существовала какая-то недобрая сила, перед которой человек склонял голову.

Теперь мы часто видим плакаты с изображением борцов за мир. Их лица гордо и непреклонно подняты, губы сомкнуты, брови сдвинуты. Непреклонность эта вызвана волей к борьбе с мрачными силами, которым передовое человечество проти-

вопоставило свое решение. Плакаты пишутся за нас, они передают наше состояние, и мы порой не замечаем всесторонней пытки. Но людям коммунистического будущего это бросится в глаза.

Вот два изображения: опущенная голова раба и гордо поднятая голова борца. Потребовалось века напряженного трагического труда, чтобы человечество от одного изображения перешло к другому. И литература на протяжении многих веков занималась тем, что объясняла общественные, моральные, психологические причины этого процесса.

В конечном счете каждый большой поэт, писатель отражает историю борьбы за счастливое будущее. Но текстоводы, писатели с наиболее выразительным характером бойца. В числе таких мы видим Николая Грибачева.

Знакомство с его творчеством наталкивает на любопытные размышления. Прежде всего о жанровом разнообразии. Прежде всего о жанровом разнообразии. Прежде всего о жанровом разнообразии.

В первой главе — новый герой, новая проблема. Здесь и ралит, осваивающий радио, и столяр Петява, предлагающий делать мебель своими силами, и конюх Карп, забавляющийся о выполнении пятилетки «в смысле коня», и грозная бригадира Матяева с выводком девчат, и бригадир Иван с Аннушкой, сделавшей мужу наем в смысле ребенка». И, наконец, старшина, уехавший учиться в институт, а позднее, по возвращении, составляющий проект колхозной электростанции.

Многие из глав, особенно у старшего, могли бы отточиться и лечь в основу самостоятельных крупных вещей.

Поэма интересна, своеобразна по краскам, по ритмике, по характеристике. Но когда начинаешь читать «Вестник в «Победу», понимаешь, что она выше первой. Устремление ее героев те же, манера письма та же. Разница в том, что вся ткань поэмы каждой нервной своей связана с ее центральной образом — партером Зерновым, человеком большой красоты и редкого мужества. Вся жизнь он отдал народу, чтобы сделать его жизнь богаче, радостней, умнее, прошел через войну, через холод и голод. И вот износился. Смерть уже ходит вокруг, стережет. И он знает об этом. Но всеми мыслями он с людьми, он продолжает оставаться бойцом. К нему приходят за советом и уходят от него окрыленные. Он думает о судьбе отбывшего от рук партера, как о родном сыне.

Наш доноситель недолог, что рушит ряд, что портит лад... Прекрасно написана глава предсмертных видений партера.

Образ Зернова — большая удача поэта. Читателю не нужно сорок малых лет, глубокого, большого, чтобы...

У Н. Грибачева много поэм. «Видлица» и «Судьба» написаны еще до войны. «Ким Ир Сен» и «У наших зна-

комых» — в последние годы. Разговор о них мог бы обогатить читательское представление о поэте Н. Грибачеве, однако это особая тема.

Н. О. КАК И ДОЛЖНО, особенно яркое перемены роста открылись в лирических стихах Грибачева. Лирика чутка и переменна. Вот в первых номерах журналов «Знамя» и «Москва» за этот год поэт напечатал два больших цикла, и в них мы можем видеть новые черты, которые можно охарактеризовать таким понятием, как теплоты души. В прежних стихах образ борца за правду был прямолинейным и суровым: «И я смирил свое в себе, и шел и вел навстречу бою». Никаких слабостей, никаких сердечных признаний! В число же слабостей попадали и простая человеческая доброта. Но странное дело, теперь поэт не боится признаться в своих человеческих слабостях, а между тем знакомый нам образ выигрывает.

Прочтем стихотворение «Ненастный вечер». На дворе разгулялась пурга. Девушка не встретится с любимым. Прежде поэт сказал бы: «Экая беда!.. В мире там творится!» Теперь же поэт ее жалеет:

Только сердце велит пожалеть... Видно, так вот всю жизнь мы и будем Биться насмерть за правду — и млеять В нерастреченной нежности к людям.

Палитра художника стала магиче, изображение обобщенное. Если в прежних стихах убеждало свидетельство очевидца, то теперь появилась художественная убедительность образа. Для того чтобы изобразить курицу, не нужно высписывать каждое перо. Раньше мера мысли и чувства была ограничена строгой документальностью образа, теперь же образ получал перспективу, и каждый читатель найдет в нем свою меру и глубины мысли и чувства. Это похоже на две струны. Они кажутся одинаково неподвижными. Но одна струна действительно неподвижна, а другая при этом издает звук.

Все большие поэты росли в борьбе. Отвечающий только за себя, заботящийся только о себе, дрохлет и выпадает из литературы, как зуб, потерявший своего напарника.

Не всякая борьба плодотворна. Метать громы и молния по поводу того, что кто-то случайно наступил тебе на ногу, — занятие бесплодное. Нужно правильно определить противника. Н. Грибачев его определил. Это те, кто мешают нам строить коммунизм. Среди них противники открытые и скрытые, международные и доморощенные, сознательные, а иные противники по «неразумности», вроде дельца Холодкова из поэмы «У наших знакомых». Они заставили поэта овладеть более совершенным поэтическим оружием, философски осмыслить свое место в жизни.

При этом поэт не ридится в тогу непогрешимости:

И человек, что в спешке толп несметных И погрешит, и погрешит за двух, И попусту обронит слово злое, И разъярит, слетев с толку слоб, И вынырнет не сразу из-под слоб. Каких-то всех мелочных обид. Хоть в три архагел зареми трубы: По всем краям бурлит без исключения, По всем сердцам проходит фронт борьбы.

П ОВТОРИ: поэзия Николая Грибачева разнообразна. Он понимает и любит природу. «Набавясь в родню к лесам, набавясь к полям в родню». Ему дано увидеть и подслушать в природе то, что может увидеть и подслушать только поэт.

И сад выхлал тепло и сонно И пил, набравшись новых сил, И травы поднимались, словно

Век двадцатый, век великий спутника, — сколько в тебе скорбного и смутного! Ты и добрый век, и век злодей.

Молодые люди их глаза презреним к веку светятся. Презирают партия, церковь и философов провидчества. Презирают женщин, спят с которыми, землю с ее банками, которами.

Презирают в тлостном презренье собственное жалкое презренье. Век двадцатый не отец им, — очич.

Очень он не нравится им, очень.

И броженье темное, густое в парнях ядовитых на Гудзоне, и на Тибре, Сене и на Темзе парни ходят сумрачные те же. Резкие, угрюмые, неладные, — веку они, вроде ни к чему. Понимаю я — чего не надо им, а чего им надо — не пойму. Неужели юности их кредо — только в том чтоб выругаться крепко?!

дительно походе наших войск в Западную Белоруссию, в 1940 году он воевал на финском фронте, в годы Великой Отечественной войны поэт был на фронте под Москвой и Сталинградом. Для стихов этой страдной поры характерна документальность, категоричность образа, не теряющая двойной точности. Поэт, командир батальона разоружает Родина. Никаких подтекстов. Что сказано, то и сказано. Категоричная манера письма чувствуется во всем — в пейзаже, в передаче интимных чувств, в описаниях боя и военного быта:

Прилеж товарищ, но не спят, он память, наверно, дома, и перетерта солома под головой его шуршит.

Дни мира сложней, богаче и разнообразней дней войны. Если поэта-фронтовика устраивали две-три краски, две-три интонации, то для изображения мира нужно все цветное и звуковое богатство. Николай Грибачев почувствовал это, как только смолк грохот орудий:

Так этот день казался нов, в такой красе возник, что мы молчали — новых слов еще не знали!

Поздней к нему придут новые, нужные слова, но еще долго, даже в описаниях природы, будут являться сравнения из военной жизни: «молний гвардейский залп поле взнезал сплошь».

НЕ СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ причесали Н. Грибачеву известность. Завоевание читателя началось в мирное время, мирной темой. «Колхоз» поэт написал поэму «Колхоз» «Большевник», а через год появилась «Восна в «Победу». Обе поэмы были высоко оценены читателями, и критикой. За них Н. Грибачев был дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии. Читательское внимание благоприятно сказало на развитии поэта, который стал расти буквально на глазах. Уже между поэмами «Колхоз» «Большевник» и «Восна в «Победу» есть принципиальная разница.

В первой поеме десятки героев. Что ни глава — новый герой, новая проблема. Здесь и ралит, осваивающий радио, и столяр Петява, предлагающий делать мебель своими силами, и конюх Карп, забавляющийся о выполнении пятилетки «в смысле коня», и грозная бригадира Матяева с выводком девчат, и бригадир Иван с Аннушкой, сделавшей мужу наем в смысле ребенка». И, наконец, старшина, уехавший учиться в институт, а позднее, по возвращении, составляющий проект колхозной электростанции.

Многие из глав, особенно у старшего, могли бы отточиться и лечь в основу самостоятельных крупных вещей.

Поэма интересна, своеобразна по краскам, по ритмике, по характеристике. Но когда начинаешь читать «Вестник в «Победу», понимаешь, что она выше первой. Устремление ее героев те же, манера письма та же. Разница в том, что вся ткань поэмы каждой нервной своей связана с ее центральной образом — партером Зерновым, человеком большой красоты и редкого мужества. Вся жизнь он отдал народу, чтобы сделать его жизнь богаче, радостней, умнее, прошел через войну, через холод и голод. И вот износился. Смерть уже ходит вокруг, стережет. И он знает об этом. Но всеми мыслями он с людьми, он продолжает оставаться бойцом. К нему приходят за советом и уходят от него окрыленные. Он думает о судьбе отбывшего от рук партера, как о родном сыне.

Наш доноситель недолог, что рушит ряд, что портит лад... Прекрасно написана глава предсмертных видений партера.

Образ Зернова — большая удача поэта. Читателю не нужно сорок малых лет, глубокого, большого, чтобы...

У Н. Грибачева много поэм. «Видлица» и «Судьба» написаны еще до войны. «Ким Ир Сен» и «У наших зна-

комых» — в последние годы. Разговор о них мог бы обогатить читательское представление о поэте Н. Грибачеве, однако это особая тема.

Н. О. КАК И ДОЛЖНО, особенно яркое перемены роста открылись в лирических стихах Грибачева. Лирика чутка и переменна. Вот в первых номерах журналов «Знамя» и «Москва» за этот год поэт напечатал два больших цикла, и в них мы можем видеть новые черты, которые можно охарактеризовать таким понятием, как теплоты души. В прежних стихах образ борца за правду был прямолинейным и суровым: «И я смирил свое в себе, и шел и вел навстречу бою». Никаких слабостей, никаких сердечных признаний! В число же слабостей попадали и простая человеческая доброта. Но странное дело, теперь поэт не боится признаться в своих человеческих слабостях, а между тем знакомый нам образ выигрывает.

Прочтем стихотворение «Ненастный вечер». На дворе разгулялась пурга. Девушка не встретится с любимым. Прежде поэт сказал бы: «Экая беда!.. В мире там творится!» Теперь же поэт ее жалеет:

Только сердце велит пожалеть... Видно, так вот всю жизнь мы и будем Биться насмерть за правду — и млеять В нерастреченной нежности к людям.

Палитра художника стала магиче, изображение обобщенное. Если в прежних стихах убеждало свидетельство очевидца, то теперь появилась художественная убедительность образа. Для того чтобы изобразить курицу, не нужно высписывать каждое перо. Раньше мера мысли и чувства была ограничена строгой документальностью образа, теперь же образ получал перспективу, и каждый читатель найдет в нем свою меру и глубины мысли и чувства. Это похоже на две струны. Они кажутся одинаково неподвижными. Но одна струна действительно неподвижна, а другая при этом издает звук.

Все большие поэты росли в борьбе. Отвечающий только за себя, заботящийся только о себе, дрохлет и выпадает из литературы, как зуб, потерявший своего напарника.

Не всякая борьба плодотворна. Метать громы и молния по поводу того, что кто-то случайно наступил тебе на ногу, — занятие бесплодное. Нужно правильно определить противника. Н. Грибачев его определил. Это те, кто мешают нам строить коммунизм. Среди них противники открытые и скрытые, международные и доморощенные, сознательные, а иные противники по «неразумности», вроде дельца Холодкова из поэмы «У наших знакомых». Они заставили поэта овладеть более совершенным поэтическим оружием, философски осмыслить свое место в жизни.

При этом поэт не ридится в тогу непогрешимости:

И человек, что в спешке толп несметных И погрешит, и погрешит за двух, И попусту обронит слово злое, И разъярит, слетев с толку слоб, И вынырнет не сразу из-под слоб. Каких-то всех мелочных обид. Хоть в три архагел зареми трубы: По всем краям бурлит без исключения, По всем сердцам проходит фронт борьбы.

П ОВТОРИ: поэзия Николая Грибачева разнообразна. Он понимает и любит природу. «Набавясь в родню к лесам, набавясь к полям в родню». Ему дано увидеть и подслушать в природе то, что может увидеть и подслушать только поэт.

И сад выхлал тепло и сонно И пил, набравшись новых сил, И травы поднимались, словно

Век двадцатый, век великий спутника, — сколько в тебе скорбного и смутного! Ты и добрый век, и век злодей.

Молодые люди их глаза презреним к веку светятся. Презирают партия, церковь и философов провидчества. Презирают женщин, спят с которыми, землю с ее банками, которами.

Презирают в тлостном презренье собственное жалкое презренье. Век двадцатый не отец им, — очич.

Очень он не нравится им, очень.

СЕРДИТЫЕ

Я сейчас отсюда, из Москвы, говорю им просто, по-мужски — если я на что-то и сердит, это не потому, что во мне не безвредное жалкое сидит, а гудит любовь к родной стране. За нее сражаюсь, как умно.

Для нее — и жизнь моя, и смерть. Отдаю ей все, что я имею. Все отдаю, что буду я иметь! Счастлива я, что верю в дело Ленина, верю в правду молота и лемеха.

Если спотыкаюсь, то не падаю — потому что верю в нашу Партию! Если я на что-то и сержусь, это оттого, что я горжусь тем, что я с друзьями, я в строю, я в бою за правоту свою! Что там с вами? Ищите ли правды? «Массовый психоз» — выдыхают медники. По Европе мрачно бродят парни. Мрачно бродят парни по Америке.

Век двадцатый, век великий спутника, вырви их из темного и спутанного. Дай им не спокойствие удобное — дай им веру в праведное, доброе.

Это дети — это не враги. Век двадцатый, — слышишь, — помоги!

РУССКАЯ ПРИРОДА Ее глаза судьбу мою таят. Где светогоры светятся гнилушечные, как городские фонари грушечные, на тонких ножках ландыши стоят.

Когда придет мой срок, не будь грустными, со мной расстанься просто. Не скорбя. Я не умру! Ты, как природу русскую, природа русская, прими меня в себя!

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А № 74 13 июня 1959 г. 3

В «СВОБОДНОМ» МИРЕ

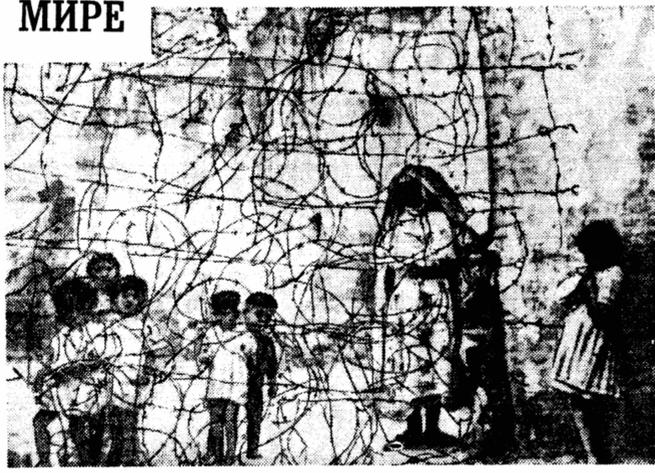
ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ — МИЛЛИОН АЛЖИРЦЕВ

В Алжире творятся ныне черные дела, которые воспринимает в памяти чудовищные злодеяния гитлеровцев. По приказу французских колонизаторов, в концентрационных лагерях заключены миллионы алжирцев. Дети и старики мужчины и женщины обречены на смерть от голода и болезней. (Из газет)

Чтоб все смогли понять источник мук Детей алжирцев, каторгой казнимых, Одну другому — в миллионы рук — Передавайте, люди, этот снимок!

Он привозит к позорному столбу Кровавый мир насилья и гниения И выжжет у него на лбу Клеймо проклятья и презрения.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Снимок из французского еженедельника «Франс нувель»

МНЕ давно было известно имя выдающегося французского артиста Бернара Блие. Но впервые с его творчеством я познакомился несколько лет назад по кинофильму «Адрес неизвестен», с большим успехом демонстрировавшемуся в нашей стране. Неизгладимое впечатление оставил тогда сверхакущий талант этого французского актера. Бернар Блие не играл, а жил в образе шофера, сразу завоевав любовь и признание советских зрителей и кинематографистов.

Вдоль наслаждаясь его мастерством во второй Неделе французского фильма. Он сыграл адвоката Симона в прекрасном фильме режиссера Жюльена Дювье «Мари-Октав», поставленном по одноименному роману Жака Робера. Мстители увидели его также в роли Жавера в фильме «Отверженные» по роману В. Гюго и в картине «Сильные мира сего». Он привлекал внимание зрителей к каждой своей роли, щедро одаря тонким юмором, беспроигрышным юнгом, мастерством перевоплощения, умным и глубоким раскрытием образов.

На открытии Недели я получил удовольствие лично познакомиться с Бернаром Блие, приехавшим в Москву с делегацией французских кинематографистов. Он оказался в жизни таким, каким я его себе представлял. Скромный, с мягкой застенчивой улыбкой и добрыми, все понимающими глазами.

В Москве Блие ждал знакомыми с его культурными ценностями, посещениями галереи, выставки, театры, музеи, встречался и беседовал с нашими актерами, режиссерами, художниками. Он был поистине неугомонным.

В конце апреля мы вновь с ним встретились, на этот раз в Париже, где проходила Неделя советского фильма. Блие встретил нас, как гостеприимный хозяин, влюбленный в свой чудесный город, великолепно знающий его культурные сокровища. Он сам взял на себя роль гида и знакомил нас с театрами, театрами, достопримечательностями Парижа.

25 апреля в одном из крупнейших парижских театров «Нормандия», на Елисейских полях, где проходила Неделя советского фильма, была показана картина «Судьба человека». Фильм был охотно принят аудиторией. После просмотра на мне подошел явственно знакомый Бернар Блие. Он обнял, поцеловал, поздравил меня с успехом картины и попросил принести как знак его истинной благодарности подарок, который он делает от всей души. И он протянул мне конверт, в котором, по его словам, были письма читким им людям.

Я горячо поблагодарил нашего друга, но только позднее, в гостинице, раскрыл конверт. В нем лежали два подлинника неизвестных нам писем Виктора Гюго и Эмиля Золя. Я был бесконечно тронут этим щедрым даром — строками, написанными лично великими писателями Франции, которых так любят и ценят в нашей стране.

Этот дар я расцениваю не только как знак благодарности ко мне, но и как признание заслуг всей советской кинематографии. Я охотно поэтому откликнулся на предложение редакции «Литературной газеты» опубликовать эти письма, сделать их достоянием наших читателей.

Пользуясь случаем, хочу еще раз выразить глубокую и искреннюю благодарность нашему дорогому другу Бернару Блие.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

СРЕДИ новых произведений, опубликованных за последнее время в Германской Демократической Республике, пожалуй, ни одно не получило такой большой популярности у читателей, как роман Бруно Аппита «Гольи среди волков».

Еще совсем недавно имя автора этой книги мало кому было известно в немецких читательских кругах, хотя его литературный путь начался еще в двадцатые годы, когда писатель выступил со своими первыми пьесами, посвященными борьбе против несправедливого социального порядка. Приход к власти гитлеровской клики надолго лишил Бруно Аппита возможности заниматься литературным творчеством. Испытанный антифашист, прошедший школу революционных боев германского рабочего класса, он был арестован как один из руководителей подпольной коммунистической организации Лейпцига и одиннадцать лет провел в застенках и лагерях смерти. Ни долгие годы фашистской неволи, ни лишения и пытки не сломали волевого упорства борющегося коммуниста. Находясь в лагере Бухенвальда, Бруно Аппит принял активное участие в вооруженном восстании заключенных в апреле 1945 года. Эти события, дополненные богатым документальным материалом и воспоминаниями товарищей по фашистской каторге, писатель положил в основу своего романа «Гольи среди волков».

В узниках концлагеря, измученных страшными годами издевательств и пыток, автор увидел и показал не только жертвы гитлеровского террора, но прежде всего идейных и несгибаемых борцов-антифашистов, людей щедрой души и мужественного сердца. Одна судьба, одна великая идея освобождения человечества от коричневых сил связывала в этом лагере людей разных национальностей, вероисповеданий и социальных взглядов.

В лагере Бухенвальда существовала глубоко законспирированная антифашистская организация, ядро которой составляли коммунисты. Автор знакомит нас с руководителями этой подпольной организации — членами международного лагерного комитета, возглавляемого немцем в лагере, кроме нескольких посвященных, не мог и заподозрить, что это человек, занимающий скромную и незаметную должность младшего писаря, держал в своих руках невидимые нити широко разветвленной организации. Непрерываемым авторитетом у своих товарищей по международному лагерному комитету пользовался советский офицер Богорский, руководитель боевой группы русских военнопленных. Во всех сложных и трудных случаях, с которыми приходилось сталкиваться подпольному руководству, боевой и жизненный опыт Богорского оказывал неоценимую услугу общему делу.

А сложностей у комитета было немало. Какую изобретательность, выдержку и смелость нужно было проявить подпольщикам, чтобы достать оружие и прятать его до назначенного часа от неусыпных глаз надзирателей? В глубокой тайне проводилось обучение специально выделенных ударных групп,

Подарок друга

«КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ», «культурный обмен» — за этими словами мы привыкли видеть сообщения о гастролях театральных групп, демонстрациях кинофильмов, книжных выставках. И порой, рассказывая об этих крупных событиях, мы забываем о том, что они включают в себя и личные встречи деятелей культуры различных стран, встречи, выходящие далеко за рамки простого знакомства, влекущие за собой и обмен творческим опытом, и подлинное взаимопонимание, и более глубоко проникновение в культуру другой страны. Такие встречи — живые нити, укрепляющие дружбу между народами.

Публикуемые нами сегодня материалы рассказывают о дружбе советского киноартиста Сергея Бондарчука с французским киноартистом Бернаром Блие.

Сергей БОНДАРЧУК, народный артист СССР

Письма Виктора Гюго и Эмиля Золя

Джерси, 21 августа. Дорогой Антуан! Очень прошу вас дать мне конфиденциальную справку. Вам приходилось ставить и играть пьесы одного молодого драматурга г-на Жоржа Луазо. Не можете ли вы мне сказать с полной откровенностью, что вы думаете об уме, таланте и литературном будущем этого писателя? Это останется абсолютно между нами, и я прошу только полной искренности. Могу добавить, что эта небольшая справка мне нужна из самых лучших побуждений и г-н Жорж Луазо от этого никак не пострадает. С вашей стороны было бы очень любезно ответить как можно скорее. Со вторника я поселюсь в Медане (Виллен, департамент Сены и Уазы).

Как я жалею, что не удалось вас пообщать! Но как только я вернусь в октябре, нам нужно будет побеседовать.

Сердечно ваш Эмиль ЗОЛЯ

Жму Вашу руку Виктор Гюго. Передайте привет Вашему брату; надеюсь, что он чувствует себя лучше.

ПИСЬМО Виктора Гюго к неизвестному лицу, датированное «Джерси, 21 августа», написано в 1852 году. Приняв энергичное участие в вооруженном сопротивлении парижской демократии бонапартистскому перевороту 2 декабря 1851 года, Виктор Гюго затем несколько дней скрывался в Париже, а 11 декабря бежал в Бельгию. Правительство Наполеона III без церемоний потребовало от Бельгии выдачи Виктора Гюго с его супругой. Не желая подвергать процедуру высылки, позв уехал из Джерси, где ему предстояло прожить этот год.

Апрельские письма, вероятно, тоже политический эмигрант и, возможно, представитель католической церкви («Вы трудитесь ради спасения души»).

Слова Гюго о том, что он трудится «для освобождения народов», заставляют вспомнить о тех его страстных выступлениях на Конгрессе мира в Париже в 1849 году, когда Гюго ратовал за братство и дружбу народов, за прекращение войн, за христовские или христовские с подлинным национально-освободительными движениями.

Письмо Золя адресовано известному французскому режиссеру Антуану Антуану, руководителю знаменитого «Свободного театра» («Тягль либр»). Золя близок стоял к Антуану, вполне сочувствовал реалистическим тенденциям режиссерского им театра.

Второстепенный французский драматург Жорж Луазо, о котором идет речь, был автором одной пьесы «Грех любви», поставленной в «Свободном театре».

Ю. ДАНИЛИН, доктор филологических наук

РАЗГОВОР С ПАРИЖЕМ

Редакция «Литературной газеты» связалась по телефону с Бернаром Блие. Передав привет от москвичей, наш корреспондент попросил Бернара Блие рассказать, что ему известно об этих письмах.

В нашей семье всегда высоко чтит творчество Виктора Гюго и Эмиля Золя, — ответил он. Мы старались собрать все связанные с именами этих любимых писателей. Письма, о которых идет речь, приобретены мною несколько лет назад в одной из антикварных лавок Парижа. Мы их очень ценили. Только восхищение таним прекрасным произведением моего любимого искусства, как фильм «Судьба человека», блестяще режиссерское и актерское мастерство Сергея Бондарчука, оставившее искреннее наслаждение, вызвали во мне желание отблагодарить его чем-то очень для меня ценным. Поэтому я и преподнес тани дар.

Хочу воспользоваться этим разговором, добавил Бернар Блие, чтобы еще раз поблагодарить моих коллег, советских кинематографистов, и всех москвичей за исключительную теплую и радужный прием, оказанный французской делегацией в нашем прекрасном городе. Все мы с большой теплотой вспоминаем о днях, проведенных у вас в гостях.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«ЗА КУЛИСАМИ ЖЕНЕВЫ»

ЗА КУЛИСАМИ Женевского совещания министров иностранных дел появилась пожилая дама с седыми, завитыми волосами, тонкими губами и голубыми холодными глазами за круглыми стеклами очков. Ее незримое присутствие там обнаружил американский журнал «Эис уик», опубликовавший статью «Никому не известный представитель семейства Даллес» под рубрикой «За кулисами Женевы».

Речь идет о сестре бывшего государственного секретаря Джона Фостера Даллеса Элеоноре Даллес, специальной советнице государственного департамента по германским делам. Уже более шести лет занимает этот пост госпожа Даллес, проявляя особый интерес к Западной Берлину. По свидетельству «Экономические и политические проблемы» этого города. Задача не трудная, когда располагаешь 300 миллионами долларов, выделенными для «помощи» Западной Берлину государственным департаментом США. На эти деньги Элеонора Даллес, по утверждению журнала, превратила город в «блестящую витрину». Острые берлинцы назвали построенный на американские средства большой зал для собраний «Даллезеум».

Но не только на строительство такого рода сооружений расходует энергию и американские доллары госпожа Даллес. Чаше она выполняет поручения своего брата Аллена Даллеса, руководителя центрального разведывательного управления, пользуясь фондами этого управления. Утверждают, что не без участия Элеоноры Даллес была организована известная берлинская провокация 17 июля 1953 года.

В прошлом году Элеонора Даллес прибыла в Западный Берлин в те дни, когда члены профсоюзов Западной Германии собирались, вопреки указаниям руководящей профсоюзной верхушки и бургомистра Брандта, организовать в городе празднование 1 Мая под лозунгом борьбы против боннской политики атомного вооружения. Она приложила немало усилий, чтобы помешать выступлению трудящихся.

Этих сведений, естественно, не привел «Эис уик». Зато он с удовлетворением отмечает, что Элеонора Даллес — «друг Конрада Аденауэра и мэра Вилли Брандта». Что же, это вполне исчерпывающая характеристика! Позиция госпожи Аденауэра в отношении Женевского совещания хорошо известна. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», — эта поговорка вполне относится к данному случаю. В одном из своих выступлений перед членами федерации женских клубов в Буффало (штат Нью-Йорк) Элеонора Даллес призвала Запад рассчитывать на «силу, с помощью которой можно будет добиться, в конечном счете, воссоединения Германии».

Точны зрения западногерманских реваншистов и Элеоноры Даллес на способы решения германского вопроса сходны — они видят его только в продолжении «политики с позиции силы». Присутствие за кулисами Женевского совещания «никому не известной» дамы с хорошо известными взглядами не может принести пользы делу мира.

О. ВАСИЛЬЕВ

ЕСТЬ ХОЧЕТСЯ...

ВЕРОЯТНО, все помнят потрясающий чеховский расказ «Спать хочется»: замученная бесчеловечной эксплуатацией малолетняя нянька, измотанная бессонницей, убивает хозийского младенца.

Чеховский расказ невольно приходит на ум, когда читаешь сухие строки телеграфного сообщения из Манлиль: «Полиция Кесона, близ Манлиль, предъявила обвинение в убийстве 13-летнего Филиппину, задушившему своего годовалого брата потому, что тот от голода бесперывно плакал. Малолетний убийца заявил: «Мы вечно голодали. Я больше не мог видеть, как мучается голодом мой братишка».

В царстве капиталистического мрака и уродливых человеческих отношений первой жертвой становятся дети.

В. СТЕЖЕНСКИЙ

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ...

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

БЕСЕДА С ПРИЗРАКОМ

Рис. Н. Лисогорского

НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ, читатели. Что только не бывает на Бослом свете... Совсем недавно американские журналы подхватили и разнесли по всему свету нелепую выдумку шведского майора Линдгрена, Бравый майор превратил тихую трудовую Винничи в мифический город кока-кола, специально созданный якобы для тренировки сомна шпионов, которым предстоит проникнуть в сердце США.

Сейчас перед нами новинка из той же серии: секретный город абстракционистов. Где такой? Конечно, в СССР. Можно и точнее: в Сибири. Черт возьми, порой из зарубежной печати мы узнаем столь поразительные вещи о нас самих и нашей стране, что дышу двоясь!

ЛИТЛА-РОК НА РЕЙНЕ

НЕМЕЦКАЯ печать перестала сообщать о расистских бесчинствах и дискриминации негров и других «цветных» в ФРГ. «Дух Литтл-Рока витает и у нас. Черные студенты жалуются на расовую ненависть в Федеративной Республике» — под таким аншлагом недавно вышла газета западногерманского объединения профсоюзов «Велт дер арбит».

Газета рассказывает о возмущительных преследованиях. Студенты-негры устроили бал в одном мюнхенском парке. Когда студент из Камеруна хотел пойти на бал, владелица трактира приказала выростить его и избить. «Кранный, по крайней мере, стали бы искать предлоги, чтобы выдворить нас из ресторана», — сказал один негр корреспонденту «Велт дер арбит». — Теперь же выражаются со всей грубостью: «Негры нежелательны».

В Мангейме инженер

ЖИЛИ-БЫЛИ два друга — один деревянный, другой — очень. Первый пел задумчиво, красивым, хорошо поставленным голосом, и публика его обожала. Второй вопил, пуская пухляки, и слушатели жиденькими аплодисментами давали по нему.

ЖИЛИ-БЫЛИ два друга — один деревянный, другой — очень. Первый пел задумчиво, красивым, хорошо поставленным голосом, и публика его обожала. Второй вопил, пуская пухляки, и слушатели жиденькими аплодисментами давали по нему.

ЖИЛИ-БЫЛИ два друга — один деревянный, другой — очень. Первый пел задумчиво, красивым, хорошо поставленным голосом, и публика его обожала. Второй вопил, пуская пухляки, и слушатели жиденькими аплодисментами давали по нему.

ЖИЛИ-БЫЛИ два друга — один деревянный, другой — очень. Первый пел задумчиво, красивым, хорошо поставленным голосом, и публика его обожала. Второй вопил, пуская пухляки, и слушатели жиденькими аплодисментами давали по нему.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

СОБСТВЕННО говоря, не очень понятно, почему вдруг американское агентство Ассошиэйтед Пресс распространило 8 июня сообщение своего парижского корреспондента, посвященное французскому иностранному легиону. Никаких новостей, никаких открытий нет. Это сообщение — весьма странное блудо.

С одной стороны, агентство признает, что «многие европейские державы... уже давно раздражены методами набора в легион». С другой стороны, возмущение, которое вызывает сообщение иностранной прессы, объявляется «волевой пропагандистской инсинуацией — старое, как сам легион». «Легион обвиняют в том, что он укрывает опасных преступников», — констатирует Ассошиэйтед Пресс. И тут же: «Легион указывает, что он не принимает людей, осужденных за уголовные преступления и не!».

Словно это одно и то же! Но самое главное: в корреспонденции нет ни слова о тех зверствах и жестокости расправ, которыми легион снискал себе печальную славу.

Раз зашла речь на эту тему, то мы попробуем вспомнить пробыл. Приведем лишь один пример — историю злоключений двадцатилетнего юноши, жителя города Винтертура (Швейцария), описанную швейцарской газетой «Дер бунд». Молодой швейцарец, испугавшись ответственности за кражу мотоцикла, бежал во Францию и завербовался в легион. Но не выдержав алжирского кошмара, он вернулся на родину, и его дело (закон запрещает швейцарцам вступать в иностранные армии) разбиралось в дивизионном суде № 6 в Цюрихе.

Юноша, пишет газета «Дер бунд», за десять месяцев службы во французском иностранном легионе

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

познал, что такое ад в истинном значении слова... Офицеры-кровопийцы, измывавшие над легионерами, избивавшие их до потери сознания, бессмысленно варварская тренировка («уж мы из вас, олухи, легионеров сделаем»). Воспитание и культивирование такой жестокости, которая срывает разве только эскадроны грабежи — вот чему молодой швейцарец был свидетелем в Алжире, вот о чем он рассказывал суду.

Таков французский иностранный легион, если говорить о нем...

Таков французский иностранный легион, если говорить о нем...

Таков французский иностранный легион, если говорить о нем...

Таков французский иностранный легион, если говорить о нем...

Таков французский иностранный легион, если говорить о нем...

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.